
УДК 82 - 3 (091) (470)

ББК 83. 3 (2 = Рус)

Н 64

Никольский Е. В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной истории и культуры Московского государственного университета геодезии и картографии, e-mail: eugenius-08@yandex.ru

Циклизация в исторической прозе Всеволода Соловьева

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается циклизация повествования в исторических романах Всеволода Соловьева, посвященных русской истории XVII столетия, в которых отразились трагические обстоятельства жизни русских цариц, царевен, а также отдельных боярышень XVII века. Основанием для объединения произведений в читательский цикл послужили специфика хронотопа, общность главных и второстепенных персонажей, повторяемость ситуаций, размышления писателя о природе самодержавной власти. Автор статьи приходит к выводу, что последовательное рассмотрение социально-бытовых и психологических особенностей бытия трех поколений династии Романовых в Кремлевском Теремном Дворце способствовало появлению в творчестве писателя цикла.

Ключевые слова:

Историческая проза, династия Романовых, циклизация, московские дворцы, хронотоп, Россия XVII столетия.

Nickolskiy E. V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Domestic History and Culture, Moscow State University of Geodesy and Cartography, e-mail: eugenius-08@yandex.ru

Cyclization in historical prose of Vsevolod Solovyov

Abstract:

The paper deals with the cyclization of narration in the historical novels of Vsevolod Solovyov on Russian history of the 17th century. These novels reflected the tragic circumstances of life of Russian queens, princesses, as well as representatives of the aristocratic families of the seventeenth century. The basis for including works in a reader's cycle were specificity of chronotope, a generality of the main and minor characters, repeatability of situations, speculations of the writer about the nature of the autocratic power. The author of the paper comes to a conclusion that consecutive consideration of social and psychological features of life of three generations of the Romanov dynasty in the Kremlin Palace promoted occurrence of a cycle of literary production in creativity of the writer.

Keywords:

Historical fiction, the Romanov dynasty, cyclization, Moscow palaces, chronotope, Russia of the 17th century.

В современном литературоведении понятие «цикл» выступает как термин, что не допускает многозначности его толкования, однако большой интерес литературоведов к проблеме циклизации привел к появлению немалого количества определений термина «цикл». Как правило, под циклом подразумевается «группа произведений, составленная и объединенная самим автором и представляющая собой художественное целое» [1: 5]. Объединение произведений в циклы выступает как способ и возможность исторического обобщения. Объединение произведений в циклы должно приводить к возникновению добавочных смыслов, не выраженных по отдельности в произведениях, составляющих цикл. Это и отличает цикл, с одной стороны, от сборника произведений, который не ставит себе цели явной смысловой или какой-либо другой соотнесенности произведений, а с другой — от крупных жанровых форм, где каждый элемент есть часть целого и не может существовать вне его. Безусловно, в цикле произведения обладают большей самостоятельностью, чем части отдельного произведения, но, тем не менее, элемент цикла теряет полное восприятие, прочитанный вне контекста целого.

В нашей статье рассматриваем романы известного и популярного во второй половине XIX века исторического писателя Всеволода Сергеевича Соловьева (1849-1903), посвященные московскому царскому терему («Жених царевны», «Касимовская невеста» и «Царь-девица»), в качестве художественного цикла. Ибо основанием для их соединения в единое художественное целое является общность тематики (включая повторяемость обстоятельств, обусловленных социально-психологической спецификой описываемой эпохи), места и времени действия произведений. Цикличность повествования позволила ему создать целостную картину жизни представителей династии Романовых. «Жених царевны» (1891) по-

священ последним годам царствования Михаила Федоровича, первого государя из рода Романовых. В «Касимовской невесте» (1879) автор описал первые годы правления его сына, царя Алексея Михайловича. А в романе «Царь-девица» (1878) изображено регентство дочери последнего, царевны Софьи Алексеевны. События происходят в «кремлевском тереме», своеобразном *status in statu* России XVII века. Судьбы всех героев прямо (реже косвенно) предопределяются «теремными» законами и порядками. Время действия произведений также четко ограничено: от последних лет царствования Михаила Федоровича до первых лет правления Петра Великого. Если в первых романах автор рассказывал о единстве и дружбе внутри царской семьи, то в последующих повествовал о произошедшем разладе, о множестве конфликтов, чем показал, что старому терему наступил конец: пришедший к власти молодой царь Петр Великий открыл новые горизонты развития России. Таким образом, писатель воскресил в своем цикле специфику быта и нравов представителей первых трех поколений правящей династии. Учитывая особенности времени (дух и ментальность эпохи) и места (традиции затворнической жизни в тереме), Всеволод Соловьев создал целый ряд художественных образов, в которых отразились трагические обстоятельства жизни русских цариц, царевен, а также отдельных боярышень XVII века.

Зависимость человека от внешних условий его социального бытия становится доминирующей идеей произведений. Для них характерно значительное усиление роли художественного пространства, представленного дворцом правящей династии. Более существенной тенденцией к сближению этих романов в единое художественное целое, на наш взгляд, является повторение и тождественность ситуаций и обстоятельств, с которыми сталкиваются ведущие героини «теремного триптиха». Наиболее ярко эти тенден-

---

ции проявляется в описании автором матримонильных проектов, как правило, заканчивающихся неудачно и приводящих к глубокому разочарованию жизнью царственных обитательниц терема. Пред взором читателя проходят одна за другой «порушенные невесты», судьбы которых различны в частных обстоятельствах, но едины в главном: ни одной из них не суждено обрести счастья. Соловьев неоднократно отмечал, что многое из жизни его героинь обусловлено традициями терема: царевнам «все представлялось недозванным. Наконец, и мужа, достойного их, найти было трудно, а потому, в большинстве случаев, царевна готовилась к вынужденно одинокой жизни. Таким образом, немудрено, что некоторые царевны боролись со своей долей, не на живот, а на смерть» [2: 52].

Отметим, что в процессе циклизации элементы внутренней формы, представляющие своеобразные «блоки информации», синтезировались в новые идейно-смысловые комплексы, в результате чего возникал новый слой художественной информации, не сводимый к смыслу каждого отдельного элемента. В данном контексте, это - вызванные авторским интересом описания судеб «порушенных невест». Принципиальный признак цикла – наличие особого художественно-эстетического содержания, которое рождается из взаимодействия составляющих цикл произведений и оказывается большим, чем простая сумма их художественно-эстетических содержаний. В нашем случае это встречающиеся в романах цикла размышления писателя о нравственной природе такого явления, как власть; несомненно, более значимым является неоднократное повторение ставшего обычным для этой романной группы мотива «порушенной невесты».

Специфика цикла определяется также и тем, что в процессе циклизации произведения, составляющие цикл, меняют свой статус. Соответственно меняется и усложняется характер взаимоотношений

и связей между произведениями. Изначально интертекстуальные в процессе циклизации они приобретают качества контекстуальных. Подобная двойственность «отвечает природе самого цикла, выступающего одновременно в роли текста и контекста» [3: 62]. Применительно к «теремному триптиху» такого рода явлением стало употребление писателем «конспектного метода», т.е. краткого изложения фабульного содержания, сближающего романы, связанные между собой общей тематикой. В «Касимовской невесте» главная героиня, Евфимия Всеволодская, узнает о драматической судьбе великой княжны Ирины Михайловны Романовой из рассказа придворной шутихи Катериночки; в то время как сама история любви царской дочери к датскому королевичу является основным содержанием «Жениха царевны». А в романе «Царь-девица» мы встречаемся с краткими упоминаниями о событиях, ставших основой для двух предыдущих романов о тереме. Для анализируемых произведений характерна общность персонажей, как главных, так и второстепенных. Как известно, «общие герои, сюжетные переключки, особо организованная система художественного времени» являются «характерными признаками художественного цикла» [4: 27].

Другим немаловажным элементом циклизации является наличие «сквозных персонажей». Таковыми в рассматриваемых романах стали образы русских государей: Михаила Федоровича и его сына Алексея Михайловича. Эти персонажи сходят со страниц всего цикла в силу естественных причин, на смену им приходят их потомки и родственники, являющиеся героями романа «Царь-девица», но и в этом романе первые два монарха из династии Романовых активно присутствуют в воспоминаниях героев. Не менее интересны второстепенные персонажи «теремного триптиха», составляющие окружение правящей династии. В произведениях проходят не всегда поименованные

писателем царские слуги, постельничные, мамки, няньки, шуты и шутихи («дураки» и «дурки» в терминологии XVII века), а также музыканты, горничные девушки, казначеи и сказительницы. О типичности подобного рода явлений для жизни XVII века можно судить по фактам, собранным современными историками: «В хоромах <...> привечались монахини, странники и странницы, блаженные и убогие, их также развлекали «карлы и карлицы»; они (царицы и царевны) также увлекались играми, хороводами и пением <...> обожали в клетках птиц в ярком оперении» [5: 313]. В романе «Жених царевны» Вс. Соловьев писал, что «Ирина Михайловна потеряла всякую жалость к дурке-арапке» [2: 75]. В «Касимовской невесте» призванная шутиха рассказывает о себе: «А в ту пору царевна Ирина, еще дитей была, у матушки своей, царицы Евдокии Лукьяновны, новую дурку запросила – вот и привезли меня» [2: 52]. В другой сцене Вс. Соловьев, характеризуя реакцию Евфимии Всеволодской, отмечает, что она, глядя «на попугаев в золоченых клетках, на обезьян, на карлов с арапками, про себя шептала: «Тьфу ты, мерзость-то, мерзость какая, Господи» [2: 317]. В романе «Царь-девица» писатель вводит аналогичный эпизод. Но в данном случае им

приводится диалог теремной служительницы Родимицы с приехавшей в первый раз в Москву Любой Кадышевой: « - Ах, ты, глупенькая Любушка! – засмеялась Родимица, - карлицы нашей, арапки, испугалась!» [6: 265].

Применительно к рассматриваемой группе романов делаем вывод о том, что в них присутствуют все составляющие цикла – жанровая, идейно-тематическая и сюжетная общность, «сквозные» персонажи, обобщающие отступления писателя. При этом каждое произведение имеет возможность восприниматься как самостоятельное, но будучи извлеченным из цикла, теряет часть своей эстетической значимости. Таким образом, последовательное изображение определенных сторон жизни исторической эпохи, к которой писатель обращался на протяжении всей своей творческой деятельности, стало возможным при создании романного цикла. Всеволод Сергеевич Соловьев, повествуя в своих романах о России XVII века, не пытался сознательно объединить свои творения в цикл. Однако тот исторический материал и те критерии, которыми руководствовался прозаик при создании анализируемых произведений, способствовали тому, что теремная трилогия в дальнейшем стала восприниматься как цикл.

Примечания:

1. Дарвин М.М. Русский лирический цикл. Красноярск, 1988. 230 с.
2. Соловьев Вс. Жених царевны. М., 1994. 430 с.
3. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. М., 1999. 356 с.
4. Ляпина Л.Е. Циклизация в драме // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1987. 285 с.
5. Морозова Л., Демкин А.Н. Дворцовые тайны. М., 2004. 430 с.
6. Соловьев Вс. Царь-девица. М., 1994. 430 с.